

Моцарт и Сальери: некоторые размышления над драмой А.С. Пушкина

В этом году исполняется 215 лет со дня рождения А.С. Пушкина. Вновь и вновь мы приникаем к животворным источникам его творчества. И в том числе к «Маленьким трагедиям».

Иллюстрация М.Врубеля к трагедии А.С. Пушкина «Моцарт и Сальери»

Творчество Пушкина во многом мистично. Дерзну сказать: временами христологично. Христологическим характером во многом обладает и драма «Моцарт и Сальери».

Понятно, что Пушкин оказался заложником черной легенды относительно Сальери: у того не было никаких причин для зависти Моцарту. Реальный Сальери был талантливым признанным композитором, состоявшимся человеком, счастливым семьянином, капельдинером Венской капеллы. Отравление Моцарта ему приписали. Кто и зачем? Трудно сказать. Темна вода во облацех...

Впрочем, есть одна версия. Если Моцарт действительно был отравлен, что не исключено, то его убийцами (и клеветниками Сальери) могли явиться масоны, с которыми знался Моцарт и чьи «тайнства» и посвящения он безжалостно осмеял и освистал в «Волшебной флейте». Отступничества ему могли не простить... А дальше – дело техники. Пустить слух о причастности Сальери, из слуха сделать молву, из молвы – априорную истину. «И вот – общественное мнение». Оно оказалось столь могущественным, что довело Сальери до сумасшествия, в одном из припадков которого он признался в убийстве Моцарта. С юридической точки зрения ясно, какова цена подобному признанию. Но, увы, ведь всем известно...

Итак, в прямом смысле пушкинский Сальери не историчен. Но, однако, его образ является глубоко историчным в другом смысле и плане. Он – зеркало эпохи Французской революции и наполеоновских завоеваний.

В трагедии много следов т.н. Великой Французской революции

В трагедии много следов т.н. Великой Французской революции. Один из них – насмешливые слова Моцарта о своем божественном призвании. «Но божество мое проголодалось». Это явная аллюзия на слова предпоследнего царя ацтеков Монтесумы: «Боги жаждут». Понятно чего – крови. Их процитировал Камиль Демулен, говоря о Робеспьере и революционном терроре незадолго до своей гибели, а затем и казни Робеспьера. Как известно, т.н. Великая Французская революция послала на плаху многих гениальных ученых, писателей и поэтов. Среди них был и великий химик Лавуазье; отправляя его на плаху, судьи объявили: «Революции не нужны химики». Казнен был и знаменитый французский поэт Андре Шенье, которому Пушкин посвятил свое проникновенное стихотворение. В этом революционном контексте по-иному прочитывается гибель Моцарта: его убивает посредственность, представитель духовного третьего сословия, для которого непереносима аристокра-

тия духа. Характерна эгалитаристская логика Сальери с его мнимой заботой об общем благе:

Что пользы, если Моцарт будет жив И новой высоты еще достигнет? Подымет ли он тем искусство? Нет; Оно падет опять, как он исчезнет...

Как тут не вспомнить Петрушу Верховенского из «Бесов»! «Все рабы и в рабстве равны. В крайних случаях клевета и убийство, а главное – равенство. Первым делом понижается уровень образования, наук и талантов; не надо высших способностей! Их изгоняют или казнят. Цицерону отрезается язык, Копернику выкалываются глаза. Шекспир побивается камнями. Рабы должны быть равны: без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство».

Сальери – воплощение революционного духа, протеста против несправедливости земной и небесной. Этот протест присутствует с самого начала драмы:

Все говорят: нет правды на земле. Но правды нет – и выше. Для меня Так это ясно, как простая гамма.

И вопль обвинения, обращенный к самому Богу:

О небо! Где ж правота, когда священный дар, Когда бессмертный гений – не в награду Любви горящей, самоотверженья, Трудов, усердия, молений послан – А озаряет голову безумца, Гуляки праздного?..

Как здесь не вспомнить притчу о работниках виноградника: «Пришедшие же первыми думали, что они получают больше, но получили и они по динарию; и, получив, стали роптать на хозяина дома и говорили: эти последние работали один час, и ты сравнял их с нами, перенесшими тягость дня и зной» (Мф. 20: 10–12).

Социальная сторона подобного обвинения очевидна: земные богатства достаются не труженикам, а «гулякам праздным», «безумцам», «прожигателям жизни».

Здесь уместно задуматься: каков был механизм атеизма времен Французской революции, и почему вчерашние добрые католики бросались бить статуи святых и гадить в храмах? Объяснения можно предложить самые разные: одно из наиболее убедительных – извращенная жажда справедливости, оборотная сторона которой – зависть. Почему, если Бог есть, Он позволяет, чтобы праздные люди богатели и роскошествовали, а труженики разорялись, нищенствовали и угнетались? Христианину ведом ответ на этот вопрос, но он закрыт для того человека, у которого всё – здесь и сейчас и сосредоточено в сей брэнной материи.

Однако трагедия пушкинского Сальери гораздо глубже. Ему ведомы духовные глубины, он знает, что такое неземная красота, и тем страшнее его страдания, что не он является творцом такой красоты. Его терзает зависть, и он сам понимает, насколько отвратителен и некрасив этот грех.

Кто скажет, чтоб Сальери гордый был Когда-нибудь завистником презренным, Змеей, людьми растоптанною, вживе Песок и пыль грызущею бессильно? Никто! А ныне – сам скажу – я ныне Завистник. Я завидую; глубоко, Мучительно завидую...

Эти пушкинские слова глубоко связаны со Священным Писанием, с образом диавола как змия-искусителя, из зависти соблазвившего Еву и за это присужденного к следующему наказанию: «И сказал Господь Бог змею: за то, что ты сделал это, проклят ты пред всеми скотами и пред всеми зверями полевыми; ты будешь ходить на чреве твоем, и будешь есть прах во все дни жизни твоей» (Быт. 3: 14). «Завистью диавола смерть вошла в мир», – говорит Иисус, сын Сирахов. И действительно, Сальери сеет смерть, разрушение и без-образие.

И вот обратная сторона притчи о работниках виноградника: ропотник-работник становится Каином, братоубийцей. Ведь Сальери убивает не просто своего друга, он убивает собрата по искусству и только потому, что Бог не призрел на его, Сальери, многочисленные труды и жертвы, возделывание музыкальной нивы в поте лица, а призрел на «гуляку праздного», беспечного «пастуха» Моцарта.

В характере пушкинского Моцарта много от Авеля. Он кроток, простодушен, чужд всякой гордости, в отличие от гордеца Сальери. Он подлинно смиренен и вежливо с юмором отстраняет всякие разговоры о своем «сверхъестественном» призвании. Он любит жизнь в самых, казалось, незатейливых ее проявлениях: радостно возится на полу со своим сыном, с восторгом слушает музыку слепого скрипача, более похожую на скрип. В отличие от Сальери, он живет не для себя, а для других, не задумываясь об этом. И при этом он – творец, ясный, светлый, жизнерадостный, обыкновенно-спокойный. К нему применимы слова Христа: «И научитесь от мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим».

И в этом контексте внутренний поединок Моцарта и Сальери приобретает иной смысл: это оппозиция Христос – Каиафа, Спаситель – фарисеи. По особому воспринимаются слова Сальери:

Нет! не могу противиться я доле Судьбе моей: я избран, чтоб его Остановить – не то мы все погибли, Мы все, жрецы, служители музыки, Не я один с моей глухою славою...

Как тут не вспомнить слова Каиафы: «Вы ничего не знаете, и не подумаете, что лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб» (Ин. 11: 49–50)!?

Образ Сальери связан с масонской «математической традицией»

Распятие Христа Каиафа оправдывает спасением иудейского народа (но прежде – сословия священников и фарисеев). Убийство Моцарта Сальери оправдывает спасением избранного – жреческого – сословия композиторов. Если мы вспомним, что Сальери, прежде всего, – математик, проверяющий алгеброй гармонию, и впишем в контекст Французской революции, то всё встает на свои места. Образ Сальери связан с масонской «математической традицией», в том числе и с образом циркуля; Бог для масонов – Архитектор вселенной, но на последних ступенях посвящения Богом может стать человек. Соответственно, Сальери может символизировать Каиафу новейших времен – масон-революционера, истребляющего аристократию духа, и одновременно – новейшего Каина-братоубийцу, носителя революционного террора.

Но и к Каину-Сальери приходит возмездие. Характерна концовка:

Ты заснешь Надолго, Моцарт! Но ужель он прав, И я не гений? Гений и злодейство Две вещи несовместные.

Чем кончает Каин? Он убивает своего брата, который мешал ему и его превосходил, но и сам становится практически нулем: он теряет свою силу и оказывается жалким паркинсоником: «и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей; когда ты будешь возделывать землю, она не станет более давать силы своей для тебя; ты будешь стенать и трястись на земле» (Быт. 4: 11–12. Текст дается по Септуагинте). Сальери убил гения и тут же осознал, что он не гений, а всего лишь заурядный убийца и завистник, «змея, людьми растоптанная вживе». Убитый Моцарт одержал над Сальери духовную победу своими простыми мудрыми христианскими словами:

Гений и злодейство - две вещи несовместные.

Диакон Владимир Василик